

«Брясь-бух!»

На улицах города Линчжоу раскатами весеннего грома грянули праздничные барабаны и гонги, оглашая каждый переулок и привлекая толпы зевак.

Старый руководитель бродячей труппы поднял вывеску «Счастливые трюки», ударил в медный таз и с сияющей улыбкой сложил руки в приветственном жесте:

— Благодарю всех почтенных отцов-земляков за поддержку! Сегодня мои ученики покажут вам захватывающие акробатические номера, и если мы сумеем вызвать у вас хоть улыбку, это станет для старого слуги величайшей честью в жизни!

Едва замолкли слова, как пять-золотых и серебристых львов с триумфальным рыком выскочили на арену. Отбивая чеканный ритм под звуки бурных барабанов, они высоко вздымали головы, то бросаясь вперёд, то совершая кувырки — полные неукротимой отваги и боевого задора.

Зрители оглашали улицу восторженными криками.

Когда танец львов завершился, из золотистой лохматой головы внезапно вынырнул парень в простой крестьянской одежде. На вид ему было лет пятнадцать - шестнадцать, ростом невысок, стройный и хрупкий, с фигуркой словно из тонкого бамбука, чья красота неизменно привлекала всеобщее внимание.

Старый руководитель положил на пыльную землю длинную скамью, двумя руками поднес круглую белую фарфоровую пиалу, показал её публике со всех сторон, а затем сделал резкий взмах рукой.

Юноша подпрыгнул, оттолкнувшись от небольшого камня, легко приземлился на скамью и слегка согнул колени — в этот самый момент летевшая пиала точно опустилась ему прямо на макушку.

— Лови! — крикнул старик и швырнул вторую.

Его небрежные броски заставляли сердца зрителей замирать от страха: каждый боялся услышать звон разбитого фарфора. Люди затаили дыхание, однако юноша демонстрировал невероятное, филигранное чувство равновесия. Все летевшие в него чашки он мастерски подхватывал руками или ногами и аккуратно водрузил на голову. В мгновение ока там выросла стопка из семи-восьми пиал.

В завершение старик бросил пару вееров. Юноша тут же поймал их в полете, мгновенно раскрыл и принялся крутить так, словно его пальцы творили изящную живопись.

Балансируя на узкой скамье, он подбросил оба веера высоко в небо, и те снова вернулись ему в ладони. А пирамида из фарфоровых чаш на голове лишь слегка покачивалась, но не падала, срывая шквал бурных аплодисментов.

Внезапно среди оваций послышались испуганные вздохи.

Это юноша, продолжая балансировать с башней из чаш и веерами в руках, спрыгнул со скамьи,

отбросил левый веер и резко склонил голову. Скользнувшие вниз чашки он молча и четко, с ловкостью резчика лапши, подхватил правой рукой, где был горизонтально зажат веер. Одним быстрым движением запястья он пустил пиалу, словно крылатую птицу, прямо на скамью — её круглое дно идеально совпало с шириной доски. Следом за ней полетели остальные, и спустя пару мгновений скамья оказалась сплошь заставлена красными чашками. Какой-то прохожий подошёл ближе и притронулся пальцем: расстояние между чашками было выверено с точностью до миллиона доли.

— Ай да молодец! Браво!

Звонкие медные монеты градом посыпались в бамбуковую корзину. Кто-то из богатых горожан, засмотревшись, щедро осыпал артистов золотом и серебром. Лицо старого руководителя расплылось в широкой улыбке:

— Благодарю почтенную публику за щедрость! Желаем вам долголетия и благополучия!

А юноша тихо стоял возле скамьи, изредка медленно моргая.

После выступления старик принялся делить выручку между учениками, выдав Мусюо вдвое больше остальных.

Сжимая в ладони тяжелые медные монеты, Мусюо вежливо отказался от приглашения старика на ужин, неторопливо поплелся в сторону Восточной улицы, по привычке прищулив глаза, и остановился перед вывеской небольшой лапшичной.

Мусюо заказал две порции, нашёл свободное место и уселся, остекленевшим взглядом наблюдая за пухлым сероглазым хозяином и сновавшими туда-сюда посетителями, силясь по звукам угадать их движения.

На самом деле слепым он был не до конца: смутные силуэты и тусклые пятна цветов он все ещё различал, но мир казался погруженным в густой туман, лишенный четких очертаний.

Вот сейчас, например, на столе должен стоять стакан с палочками.

В представлении Мусюо это выглядело как спрессованный комок грязной глины.

Нащупав внутри пару палочек, Мусюо зажал их в руке и принялся ждать.

Вскоре послышался голос: «Ваша лапша долголетия готова!»

Хозяин лапшичной хорошо знал парнишку-акробата с улицы и из сочувствия щедро плеснул ему сверху побольше мясного фарша, добавил вареное яйцо и щедро полил ароматным бульоном.

Мусюо часто заходил в это заведение и, заметив, что порция стала заметно больше, радостно засиял. Уголки его губ приподнялись, и он звонко поблагодарил хозяина, принявшись за еду.

Аппетит у него был отменный, но из-за слабого зрения ел он неторопливо.

Заметив, что парень почти справился с первой миской, хозяин тут же забросил в кипяток

вторую порцию — как раз к тому моменту, когда Мусяо доедал первую, подспела добавка, столь же щедро усыпанная мясом.

Мусяо помешивал палочками лапшу, равномерно распределяя густой ароматный соус. Покрутив пиалу в руках, он огладил пальцами рельефный узор с изображением старика Шоусина — духа долголетия. Хотя он видел лишь красное пятно, тепло праздника отчетливо передавалось через фарфор. Рука сама собой потянулась поскрести лысую макушку божества, и Мусяо невольно хихикнул.

Будь учитель жив, он бы непременно снова отругал его, а то и лишил ужина.

Сердце Мусяо пронзила тоска: учителя больше нет.

Сегодня как раз был день его рождения.

Мусяо замер на мгновение, а затем снова уткнулся носом в миску, торопливо доедая лапшу.

Родителей у Мусяо не было. Сколько он себя помнил, его вечно то подбирали, то бросали, перепродавая из рук в руки.

Когда ему было семь, в городе разразился страшный голод, от которого погибло множество людей. Выжившие ели все подряд, постепенно теряя рассудок. К счастью, он бежал быстро, иначе его бы давно зарезали на мясо. Прибившись к толпе беженцев, он с большими трудностями добрался до Цюйчжоу, где перебивался на улице милостыней и отнимал еду у бродячих собак.

Он несколько раз был на волосок от смерти, пока его не подобрал учитель. Тот научил его приемам самообороны, боевым искусствам бродячих артистов и ремеслу, позволяющему выживать на городской улице — так он и дотянул до сегодняшнего дня.

В начале года он ещё клялся, что оплатит учителю за добро до конца своих дней, но несколько месяцев назад старик отправился в горы за целебными травами, по ошибке съел ядовитую ягоду и скончался от отравления.

Вскоре после смерти учителя старые враги выследили Мусяо, оглушили ударом и утащили на корабль. В полубессознательном состоянии он услышал, как похитители собираются преподнести его в дар влиятельному столичному вельможе — Черному хочу хоу. Говорили, что этот хоу груб, свиреп и безжалостен, пользуется своим высоким положением, творит любые бесчинства и вообще является сущим воплощением зла. Попадись к нему в лапы — живо замучают до смерти.

Испугавшись не на шутку, Мусяо проявил смекалку: с помощью зажигалки поджёг судно и в суматохе сиганул за борт. Опробовав силы, он проплыл с передышками почти всю ночь. Когда он выбрался на берег, глаза невыносимо болели, а неподалеку как раз виднелась деревня, и он из последних сил поплелся туда за целебными травами.

Стоило ли говорить о невезении?

Едва войдя в деревню, он угодил в лапы торговцев людьми. Но тут же улыбнулась и удача: бандитов, везущих его в Линчжоу, прямо у въезда в город перехватила засада стражи, и Мусяо обрёл свободу.

Денег у него не было ни гроша. Если бы его отправили обратно в Цюйчжоу, хлопот не обернутся, поэтому он решил остаться в Линчжоу и присоединился к бродячей труппе, чтобы зарабатывать на жизнь уличными выступлениями.

Линчжоу — город не такой оживленный, как Цюйчжоу. Он остался совсем один, без учителя.

При этой мысли Мусяо вновь почувствовал себя одиноким и потерянным. Он шмыгнул носом, осушил последние капли бульона, погладил округлившийся живот и невольно скосил глаза на фигуру, маячившую за его спиной.

Зрение ухудшилось, когда ему было пятнадцать. Тот декабрь выдался на редкость холодным: он простудился во время тренировок, проболел целый месяц, а когда очнулся, мир вокруг расплылся. Органы чувств обострились в отместку за зрение: пусть глаза видели плохо, зато слух стал невероятно острым. Учитель специально тренировал его слух, учил определять положение предметов по звукам, и два года упорного труда сделали Мусяо сверхчувствительным к малейшему шороху.

Он прекрасно знал, что последние несколько дней кто-то тайком следит за ним. За ним следили даже тогда, когда он ходил купаться!

А сегодня соглядатай преследовал его от самого начала представления и до конца. Когда Мусяо заказал две порции лапши, этот человек тоже присел за соседний столик и сделал заказ.

— Тьфу ты, пропасть! Лапша уже разварилась, а он даже не притронулся! И это еще называется управляющий княжеского поместья! — ворчал хозяин лапшичной, собирая посуду.

Мусяо оставил монеты и поднялся на ноги.

Заметив, что преследователь в панике подорвался с места и бросился бежать, явно забыв смотреть под ноги и сшибая прохожих на ходу, он услышал шум и крики. В последовавшей суматохе следивший за ним мужчина врезался в росшее у дороги дерево сирени.

С ветвей тут же сорвались розовые лепестки, осыпаясь дождём, похожим на тополиный пух или яркую утреннюю зарю.

Женщина, подрезавшая ветви, испуганно обернулась. Лицо её было бледным:

— Что?! Ты хочешь сказать, что не ошибся?!

Управляющий, прибежавший назад запыхавшимся, отряхнул с одежды пыль и лепестки сирени:

— Истинно так, ваша светлость! Тот слепой парень-акробат лицом невероятно похож на варвара-князя в молодости! Старый слуга боялся, что вы с князем понапрасну обнадёживаете, поэтому не стал поднимать шум и велел вести скрытую слежку. Парню семнадцать, на задней

части шеи у него шрам — точь-в-точь как от пореза веткой во время бегства много лет назад; а ниже левого плеча на три дюйма у него родинка, расположенная в точности там же, где у юного князя при рождении. Да и охранный амулет при нём! Все указывает на это!

Княгиня Цзин-ван задыхнулась от изумления и вдруг тихо вскрикнула, уколов палец.

— Сударыня! — князь поспешно выхватил у неё ножницы и прижал к порезу платок, утешая: — Берегите себя, не спешите. Я сам пойду взгляну, ждите моих вестей...

Княгиня в испуге ухватила мужа за руку, её голос дрожал:

— Я тоже пойду! Это точно Сяо-сяо! Мне этой ночью снился Сяо-сяо, а сегодня принесли весть о нём! Небеса сжалились над нами, это правда он! Сун-бо, веди дорогу!

Управляющий Сун немедленно велел подать паланкин. Добравшись до места выступлений труппы, они узнали, что Мусяо отправился на Восточную улицу в лапшичную и еще не возвращался. Подождав немного и не выдержав ожидания, они бросились на поиски по указанному хозяином лапшичной направлению в переулок Пинъань.

Чем дальше они шли, тем уже и глуше становился переулок, по бокам даже не было жилых домов.

Князь недоуменно нахмурился:

— Мы точно не ошиблись дорогой? Совсем не похоже, что здесь кто-то живёт.

Его слова не успели затихнуть, как под ногами у них вдруг исчезла твердая почва. Земля провалилась, и все трое, не успев и охнуть, рухнули в глубокую, заплывшую грязью яму.

Князь помог подняться жене и, еще ничего не соображая, поднял голову к небу. На краю ямы сидел чрезвычайно миловидный паренек в простом платье и беззаботно болтал ногами. Разглядев его лицо, князь замер со словом на губах, не в силах вымолвить ни звука. А княгиня Цзин-ван тут же залилась слезами.

Лишь управляющий Сун запрыгал от восторга:

— Ваша светлость, поглядите же, правда похож?!

Мусяо никак не ожидал, что все пройдет так гладко. Внутри него разыграло торжество, смешанное с мстительным злорадством: надо же, какие эти соглядатай с компаньонами тупые и наглые! Следили за ним открыто, будто и впрямь считали его безобидным слепцом!

Мусяо спрыгнул к краю ямы, заглянул вниз на трех перемазанных грязью людей, фыркнул и воинственно потребовал:

— Вы кто такие?! Чего увязались за мной и зачем подглядывали, как я на реке купаюсь?!

— Сяо-сяо... Ты Сяо-сяо! Скажи, у тебя случайно нет с собой охранный амулет с вышитым знаком «Сяо»? — раздался из ямы дрожащий женский голос.

Следя за ним уже несколько дней, молодой человек понял, что ни имя, ни охранный амулет не служат доказательством. Нахмурившись, Мусяо отрезал:

— Я спросил, кто вы такие и почему следите за мной.

Женский голос, полный невыносимого волнения, сорвался на всхлип:

— Сынок... Я твоя матушка!

Что? Какая еще матушка?

Мусяо заломил брови и перевел взгляд на того самого назойливого преследователя, всё еще не меняя грозного тона:

— А ты тогда кто? Неужели батюшка мой?

Старший управляющий Сун всплеснул руками:

— Ох, ай! — замахал он ладонями, но не успел и слова вымолвить, как князь оттолкнул его, шагнул вперед и прогремел на всю округу:

— Сяо-сяо, я твой отец!

Управляющий Сун тут же поддакнул:

— Точно-точно!

Мусяо остолбенел и почесал затылок.

Твою ж... Очередной мастерски разыгранный спектакль. Уловки у мошенников нынче на любой вкус и цвет.

<http://bllate.org/book/18550/1792569>